

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Е. Ефремов

Земство в борьбе за первую российскую конституцию

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Efremov_48.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.su>

URL: <http://www.civisbook.ru>

чтобы его представление о «шедевре» радикально расходилось с представлением публики, которая, в основном, ориентирована на то, к чему она привыкла. В этом смысле моя работа напоминает деятельность политиков или искусство матadors. Это, по большому счету, упорядочение общественного сознания, осуществляемое в особом, новостном, формате.

— *Насколько велика зависимость зрительного образа, используемого в сюжете, от закадрового текста? Существуют ли здесь какие-то пропорции?*

— В нашем мире, в котором темп жизни не позволяет остановиться ни на секунду, где, как в словах Алисы, «если хочешь стоять на месте, надо бежать, а если хочешь двигаться вперед, надо бежать вдвое быстрее», — человек не успевает смотреть по сторонам. В итоге он становится не слишком наблюдательным. Поэтому для меня, как проводника в тот мир, который лежит за границей обывательской траектории движения, столь важно переживать настоящее как мгновение, содержащее в себе крошечные вчера и завтра. Ловить эти мгновения, концентрирующие в себе смысл события, останавливать их и посредством «голубого» экрана доносить до зрителя, формируя, таким образом, своеобразную, частную, созданную только мной историю, — такая моя задача. Но степень объективности представляемого изображения зависит от закадрового текста. В дни недавней войны на Кавказе российские и американские телеканалы, по сути, давали в эфир одни и те же картинки, но при этом закадровые комментарии «заряжали» сюжеты совершенно противоположным смыслом. Я, как оператор, должна обеспечить запуск у зрителя механизмов сочувствия. Применение стандартных, ранее использованных приемов здесь не очень помогает, поскольку такой опыт годится

только для подражания, в то время как работа в жанре репортажа — не конвейер, но всегда столкновение со «свежим» состоянием мира, которое надо воспринять и обработать. Причем у меня, как у человека, работающего не со словами, а с образами, тоже есть свои преимущества; ведь существуют так называемые «визуальные метафоры» — такие кадры, которые за три секунды могут сказать то же самое, что полуминутный закадровый текст. Высший пилотаж оператора — это когда можно понять смысл сюжета, даже выключив звук, лишь на основе визуального ряда. Так что предела совершенству нет.

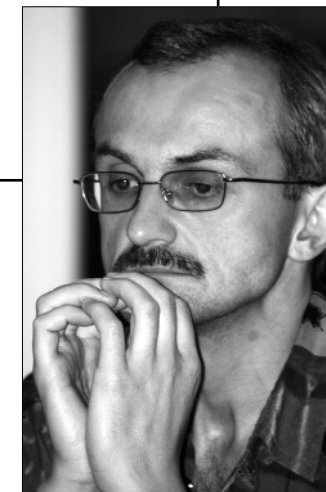
— *Интересно, отличается ли продукт профессиональной деятельности от тех вещей, которые ты делаешь «для себя»?*

— Несомненно. Я вообще, как бы громко это ни прозвучало, не считаю себя законченным профессионалом. Ведь профессиональное искусство — это искусство угождать, искусство быть приятным, искусство быть потребляемым. Профессионал возьмется за любую тему: он просто обязан так поступать. А для меня же это — ограничение свободы. Мне хотелось бы иметь право выбирать, что снимать, а что нет, хотя я и понимаю, что такой подход не вполне «профессионален». Творчество — это полет. Если «профессионал» изначально знает и траекторию своего движения, и конечный пункт назначения, то «любитель» движется по наитию и оттого находится в постоянном поиске, который и позволяет создавать что-то новое, искреннее, свежее. Как говорил музыкант Эрик Сати, «гении — всегда дебютанты». Вот я и стараюсь на все смотреть так, как будто вижу это впервые, как на мир смотрит ребенок...

Беседовала Евгения Формальнова, выпускница Московской школы политических исследований (2008)

Земство в борьбе за первую российскую конституцию

Памяти Катковой Лидии Николаевны посвящается

Евгений Ефремов, выпускник Школы 2008 года (г. Калуга)

Эпоха Великих реформ Александра II принесла с собой создание земств в 1864 году. На них государственной властью была возложена задача заниматься самоуправлением на ниве хозяйственной жизни в границах губернии. Создавая земства, правительство планировало в том числе отвлечь активных граждан от политических вопросов, предлагая им практическую работу, имеющую больше степеней свободы, чем, например, государственная служба. Но самоуправление означало административную децентрализацию. Это вело к ослаблению авторитаризма и содержало в себе зародыш конституции. Год ушел на формирование новой структуры и следующий за ним ознаменовался ни много, ни мало, а обращением Санкт-Петербургского земства в правительство о разрешении создания Всероссийского земского органа и участия земств в законодательной деятельности. Монополией на издание законов в стране обладал государь император, и второе такое обращение в 1867 году закончилось разгромом этого земства. Авторитарическая традиция доминировала: был наложен запрет на издание общеземского печатного органа. Оставалось уйти в нелегальную борьбу, но дворяне — самый привыкший к политической деятельности класс в России — по своему воспитанию были чужды подпольной деятельности. В связи с невозможностью для земских либералов легально работать и объединяться их выступления оставались спорадическими. Во время террора «Народной воли», с помощью которого она пыталась добиться политической свободы, в 1878 году власти начали домогаться помощи общества в противостоянии крайним радикалам. В такой атмосфере несколько черниговских земцев во главе с губернским гласным Петрункевичем И.И. вошли в контакт с террористами. Встреча состоялась в начале декабря в Киеве на частной квартире. Сторону радикалов возглавлял Дебогорий-Мокри-

вич В.К. Он вспоминал: «В переговорах этих из революционеров принимали участие Осинский (впоследствии повешенный), Ковалевская (впоследствии умершая на каторге) и еще несколько человек. Помню, собрание было открыто речью земца [Петрункевича]. Он развил мысль, что конституционная реформа необходима для России и будет полезна для всех русских групп, а в том числе и для социалистов, так как дает больше простора для деятельности. Затем, как вывод из этого, предлагал соединиться всем группам для добывания конституции... По мнению земца, одним из первых условий для успеха конституционной агитации было приостановление террористической деятельности революционеров, запугавшей известную часть общества, а равно и правительство. С этими требованиями террористы не согласились, переговоры не привели ни к каким результатам»*. Либеральное движение набрало обороты: в самом начале апреля 1879 года в Москве на частной квартире состоялся первый Земский съезд. Все 30 его участников подтвердили, что «...конституционный порядок, покоящийся на силе права и закона, может обезоружить террор и ограничить произвол власти»**.

Но эпоха контрреформ остановила движение. Признаки оживления появились в 1891 году в связи с борьбой общества с голодом, охватившим отдельные районы империи. И вот в октябре 1894 года на престол вступил наследник — Николай II. Новый император получил множество приветственных адресов дворянства, купечества, городских дум и земских собраний. Среди последних были 9 обращений, вновь заговоривших о единении царя с народом путем доступа голоса земств к престолу. Ответом им было знаменитое выступление Николая II в январе 1895 года, известное как речь о «бессмысленных мечтаниях».

Реакция была бы иной, существуй в России мощное либеральное движение. Но по самым скрупулезным подсчетам таких людей не могло быть более 1111 человек, из них за конституцию стояло 300 на всю 120-миллионную страну. Среди земцев из либералов 90% — это дворяне, причем не просто помещики, а наследники крупных и крупнейших земельных владений. Каждый десятый из них обладал княжеским, графским или баронским титулом. Это были высокообразованные люди, либерализм которых вырос на почве униженного патриотизма и подавленного индивидуализма.

Выражением давних объединительных тенденций стало образование поздней осенью 1899 года по инициативе нескольких земцев общества конституционалистской ориентации под названием «Беседа». Членами этого дискуссионного клуба, просуществовавшего до октября 1905 года, могли быть только депутаты земских и дворянских собраний. Это полулегальное сообщество издавало большой список литературы, просвещавшей российского читателя как в сфере экономики, так и политики. Конституционалистская фракция не ограничивалась рамками «Беседы», она совместно со своим общеземским лидером

* Белокопский И.П. *Земство и конституция*. — М., 1910. — С. 11.

** Петров Ф.А. *Незаконные общеземские совещания и съезды конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. // Вопросы истории*. 1974, № 9. — С. 43.

Депутация земских и городских деятелей, принятая императором Николаем II 6.07.1905 г. в Петергофском дворце.

Стоят (слева направо): Н.Н. Львов, Ф.И. Родичев, Г.Е. Львов, Ф.А. Головин, Н.Н. Ковалевский, П.Д. Долгоруков, С.Н. Трубецкой, Ю.А. Новосильцев, Д.И. Шаховской. Сидят (слева направо): П.Л. Корф, П.А. Гейден, И.И. Петрункевич, М.П. Федоров, А.Н. Никитин

Петрункевичем установила контакты с левыми, в том числе социал-демократами и «третьим элементом».

Этим устойчивым словосочетанием тогда именовались наемные служащие земств. Их насчитывалось в 1897 году более 46 000 человек, и они составляли самую массовую, оппозиционную правительству группу до самого 1905 года, когда на политическую арену выступил народ. В Тверском, Московском и Черниговском земствах были сильны союзы местных либеральных группировок во главе с руководителями этих земств и служащими. Большое влияние на последних оказывали радикалы, особенно социал-демократы. Именно марксизм в России поднял интеллигенцию на борьбу за свободу в отличие от других стран, где это сделал либерализм.

Конституционалисты занялись подготовкой к печати за границей своего нелегального периодического издания. Параллельно с ними готовил к выходу журнал того же направления и социал-демократ П.Б. Струве, которого в этом учении больше привлекала свобода, а не равенство. О том, что Струве готовит журнал и преуспевает в этом, конституционалисты «Беседы» узнали в феврале 1902 года. Происходящее совпадало с новыми реалиями: за месяц до этого в кружке на обсуждение были впервые вынесены политические вопросы. С этого времени вопрос о власти не сходил с повестки дня. В мае 1902 года на переговорах в редакции журнала «Освобождение», что располагалась в пригороде Штутгарта, было решено: земцы финансируют издание,

Струве — независимый редактор. Этот журнал стал объединителем разрозненных групп в целостное движение под народным лозунгом «Долой самодержавие!». Уже в июле 1903 года в Швейцарии из них два десятка человек — представители земства, социал-демократы, которым не нашлось места там, где всем заправляли В.И. Ленин и Г.В. Плеханов, а также интеллектуалы двух столиц и Киева — основали «Союз освобождения». Усилиями историков их имена не пропали. Вот авангард освободительного движения: П.Б. Струве, И.И. Петрункевич, П.Д. Долгоруков, Д.И. Шаховской, Н.Н. Львов, В.И. Вернадский, С.А. Котляревский, Ф.И. Родичев, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, Е.Д. Кускова, С.Н. Прокопович, В.Я. Яковлев-Богучарский, П.И. Новгородцев, И.М. Гревс и В.В. Водовозов.

В начале ноября 1903 года в Москве состоялся I съезд конституционного крыла земства. Деятельность образованного там «Союза земцев-конституционалистов» по существу свелась к отдельным форумам. Они собирались, как правило, накануне общеземских съездов с задачей выработать единую политику, которую и собирались на них проводить. Именно такие земцы вместе с представителями лиц свободных профессий и интеллигенции нелегально провели общероссийский съезд «Союза освобождения» в январе 1904 года в Петербурге. Либералы поставили своей задачей добиться конституции и демократии путем осады самодержавия с помощью публичных массовых кампаний. Земцы на съездах были представлены 1/4 их участников, играя при этом незаменимую роль, а их влияние демонстрировалось бессменным председательством в Совете Петрункевича.

Планы борьбы за свободу и реформы пришлось, однако, оставить: грянула война с Японией. Энергия патриотизма доминировала в обществе. Помощь Родине, правительству и армии заполнила умы и сердца земских деятелей. Когда правительство дискредитировало себя на суше и на море, национальное чувство стало приводить думающих граждан в стан либералов. После гибели главного защитника самовластия министра внутренних дел Плеве В.К. от руки эсеровского террориста император почти месяц колебался в назначении его преемника. Была дилемма: или иметь, в сущности, два фронта, или пойти обществу на уступки. Очередное поражение российских войск, заставившее их отступить к Мукдену, вынудило Николая II предложить министерство внутренних дел князю П.Д. Святополк-Мирскому. Он был противоположностью предшественнику и считал залогом успеха отношения доверия между страной и правительством. Был ослаблен надзор за земским сообществом, возвращены из ссылки его опальные члены и смягчена цензура над либеральной печатью.

В августе 1904 года на дискуссиях в «Беседе» возникло понимание, что необходимо созывать народных представителей для обсуждения труднейшего положения, создавшегося за полгода войны. К такому же постановлению московское бюро земских съездов подтолкнуло решение Совета «Союза освобождения» обратиться туда с аналогичным предложением через своих членов Шаховского и Петра Долгорукова, входивших одновременно и в этот орган. Глава бюро Д.Н. Ши-

пов получил разрешение у Святополк-Мирского на встречу земцев. Небывалая подготовительная активность и бюро, и «Беседы» чуть не была сорвана изменившимся решением царя, но съезд удалось отстоять, облачив в форму частного (полулегального) совещания. Слухи о благоволении высшей власти съезду просочились в общество и создали атмосферу общего подъема.

Впервые в истории России собрание выборных граждан, проходившее в Петербурге на квартирах видных общественных деятелей — И.А. Корса-

кова, А.Н. Брянчанинова и В.Д. Набокова — с 6 по 9 ноября 1904 года под председательством Шипова, высказалось за установление конституционных начал и парламента. Эта весть вихрем разнеслась по стране, распространяясь в 34 земских губерниях, различных общественных и частных организациях. Самое важное участие в этом принял «Союз освобождения». Он развернул почти по всей стране так называемую банкетную кампанию, во время которой поднимались тосты за свободу и конституцию. Пока власти думали над ответом обществу, банкетная кампания продолжилась и в декабре. В ней даже приняли участие социалисты меньшевистского толка. Дело в том, что «Союз освобождения» установил взаимодействие с эсерами и социалистами национальных окраин и постепенно превращался в народный фронт. Это ясно указывало постановление его второго съезда в прошедшем октябре о начале формирования профессиональных по форме и политических по цели ассоциаций, объединенных в единый «Союз союзов».

Ответ верховной власти 12 декабря, несмотря на название «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», не принес изменений в политическом устройстве. А кампания в поддержку решений съезда продолжилась адресами царю от губернских земских собраний и началом формирования профессиональных союзов на банкетах, собранных по этому признаку. Трагическое шествие рабочих к царю, организованное «Собранием русских фабрично-заводских рабочих» Санкт-Петербурга 9 января 1905 года, шло в том же русле. Возмущенное гибелью двухсот человек общество с гневом ответило на это преступление правительства: по стране прокатились забастовки и стачки, сопровождавшиеся столкновениями с полицией и войсками. Почти все земства отозвались адресами, настаивавшими на созыве народного представительства для избавления от ужасов русского бунта.

Ситуация заставила царя 18 февраля выпустить несколько документов, в том числе о созыве совещательной думы, где говорилось о привлечении «избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений»*.

Но теперь это было слишком поздно и слишком мало для оппози-

Когда правительство дискредитировало себя на суше и на море, национальное чувство стало приводить думающих граждан в стан либералов

* Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. — М.: Захаров, 2005. — С. 46.

ции. В конце апреля 1905 года земство провело в Москве третий съезд, большинство участников которого уже не стало довольствоваться ничем, кроме созыва Учредительного собрания.

Политика земцев не может не импонировать: эти государственные люди после тяжелейшего поражения русского флота в Цусимском сражении собрали свой, соединенный со сторонниками Шипова, съезд совместно с представителями дворянства и городских дум. Объединенные общими помыслами с этими ранее консервативными элементами они обратились в последний раз наверх с призывом к созыву парламента, избранного на основе тайного, равного, всеобщего и прямого голосования. Для передачи этого адреса государю была избрана депутация из 12 человек. Во время встречи 6 июня с Николаем II от лица депутации говорил С.Н. Трубецкой. В его речи содержалась патриотическая тревога по причине опасности всеобщей дезорганизации. Николай ответил: «Моя воля — воля царская — созвать выборных от народа — непреклонна»*. Результат первого за всю историю России приема либералов императором обнадеживал.

Но весьма скоро все изменилось. Июльский земско-городской съезд был созван для обсуждения дальнейших действий после неудачи обращения делегации от прошлого съезда: на встречах с группами консервативных общественных кругов, например курского дворянства, царь обещал править по старине. Съезд проходил 6–8 июля 1905 года в Москве. На нем по инициативе Петрункевича было принято обращение к народу. Это было необходимо, чтобы встать во главе начавшегося освободительного движения и предотвратить стихийное развитие событий. Это было первое, но не последнее такое обращение. Напрасно правительство пыталось закрыть съезд, возможно опасаясь, что он объявит себя Учредительным собранием. Он был лоялен законности, как и «Союз земцев-конституционалистов», который готовился участвовать в Булыгинской думе. Его делегаты составляли большинство на съезде и после его окончания остались на свой форум, там они избрали комиссию для образования открытой конституционно-демократической партии.

Касаясь здесь только действий земских либералов, хочу подчеркнуть, что до октябрьской всеобщей стачки российские либералы играли главную роль в событиях революции, радикалы же выполняли второстепенные функции. Последний съезд перед царским Манифестом 17 октября 1905 года проходил с 12 по 15 сентября. Именно его решения послужили образцом для содержательной части этого документа.

Земское движение — составная часть русского либерализма. Именно его законные представители от *всех сословий* впервые приняли решение, призывающее верховную власть к введению конституции, парламента и свобод, их же предложения были вынесены в Манифест 17 октября. Это было самое главное либеральное установление в российском государстве со времени Великих реформ Александра II.

* Леонтович В.В. *История либерализма в России. 1762–1914.* — М.: Русский путь, 1995. — С. 409.

Продолжаем знакомить читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Россия 1993–2008: итоги трансформации. — М.: Московская школа политических исследований, 2009.

Книга обобщает материалы 15-й ежегодной международной конференции на Алтае, которая вот уже полтора десятилетия проходит в Барнауле по инициативе российского политика Владимира Рыжкова и германского Фонда им. Фридриха Эберта. На этот раз, на форуме 2008 года, в центре внимания российских и немецких политиков и экспертов были основные результаты политической, экономической и социальной трансформации в стране со времени возникновения современной России до наших дней. Книга дает представление о взглядах экспертов и участников дискуссий на ключевые проблемы социально-политической реальности страны, на ресурсы и векторы ее развития.

Публикуем выступление на форуме главного редактора журнала «Мировая экономика и международные отношения» **Андрея Рябова**.

КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА: ВЗГЛЯД ПОЛИТОЛОГА

Что мне представляется важным для понимания исторических перспектив современного русского либерализма? На нашем форуме прозвучало утверждение, что применительно к этим перспективам надо говорить о периоде в 10–15 лет, «которые есть у страны». Я хотел бы поставить этот тезис под сомнение. Есть ли у России эти 10–15 лет? Те, кто хорошо знаком с российской историей, знают ее фундаментальную проблему, которую можно назвать дефицитом исторического времени. Всем известны слова, конечно же, не либерала, но, по крайней мере, выдающегося модернизатора страны Петра Столыпина: «Дайте мне 20–30 лет спокойствия». Тогда, в начале XX века для трансформации России в страну с нормальной рыночной

экономикой и современными политическими институтами, по мысли Столыпина, требовался столь большой срок. Сегодня, в условиях глобализации все процессы в мире значительно ускорены. Поэтому утверждение о том, что у страны есть 10–15 лет, звучит как минимум не бесспорно. Особенно, если учесть давление на ситуацию как внутриполитическую, так и международную ряда острых глобальных проблем, в первую очередь связанных с нарастанием дефицита ресурсов в мире, которыми, как известно, очень богата наша страна. Мой взгляд на проблему — это взгляд политического аналитика. А он тем и отличается от подхода общественного и политического деятеля, что аналитик обязан быть хоть немного пессими-